

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

MONGOLICA

К 750-летию
«Сокровенного сказания»

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1993

ББК 63.3
М61

Редакционная коллегия

*В.М.Солнцев (председатель),
Л.К.Герасимович, С.Г.Кляшторный (зам.председателя),
Е.И.Кичанов, А.Г.Сазкин, К.Н.Яковская*

Редактор издательства

С.М.Аникеева

Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказа-
М61 ния". — М.: Наука. Издательская фирма "Восточ-
ная литература", 1993. — 343 с.
ISBN 5-02-017395-9

Статьи сборника посвящены истории изучения древнейшего и уникального памятника монгольской письменности — "Сокровенного сказания", его значению как литературного и исторического памятника, его фонетической реконструкции и языковым особенностям. Ряд статей характеризует историографические, этнографические и фольклорные сюжеты, связанные с "Сокровенным сказанием".

М $\frac{0502000000-082}{013(02)-93}$ 26-92

ББК 63.3

ISBN 5-02-017395-9

© Издательская фирма
"Восточная литература"
ВО "Наука", 1993

Б.И.Панкратов

ОБРАЗЦЫ ПЕРЕВОДОВ ИЗ "ЮАНЬ-ЧАО БИ-ШИ" (подготовка к печати и предисловие Ю.Л.Кроля)

Выдающийся советский востоковед Б.И.Панкратов (1892—1979) более 50 лет отдал изучению "Юань-чао би-ши". Он был прекрасно подготовлен к этой работе, одновременно являясь и монголистом, и китаистом высокого класса [Веллер, 1933, с. 658; Стариков, 1971, с. 7—8, 14]. 65-и лет он вспоминал, что начал работу над "Юань-чао би-ши" "давно, оставлял, снова брался, переделывал, пересматривал"¹. Сравнительно интенсивно он занимался памятником в 1921—1929 гг. и в 1957—1959 гг.; по неполным сведениям, ученый в той или иной мере возвращался к "Юань-чао би-ши" в 1941, 1960—1964, а также со второй половины 1968 по начало 1970 годов.

В 1921—1929 гг., находясь в Пекине, Б.И.Панкратов вчерне подготовил работу "Юань-чао ми-ши („Сокровенное Сказание)". Реконструкция монгольского текста по китайской транскрипции. Перевод на русский язык, примечания и словарь. Около 40 п.л."². В 1941 г. он вспоминал, что "Юань-чао ми-ши" вчерне была "сделана" в 1921—1922 гг., причем "предварительный текст и перевод" были "сданы" А. фон Шталь-Хольштайну³ — директору Института китайско-индийских исследований Харвардского университета в Пекине, где Б.И.Панкратов работал в 1929—1935 гг. Мне Б.И.Панкратов рассказывал, что сначала (в 1922—1926 гг.) выполнил реконструкцию монгольского текста памятника и черновые переводы, которые раза два переделывал, а потом (в 1928—1929 гг.) составил словарь. Этот словарь, а точнее, "полный индекс записанных китайскими иероглифами монгольских слов Секретной истории Монголов", видел приблизительно в марте 1933 г. Ф.Веллер, отметивший важность его для науки и желательность его опубликования [Веллер, 1933, с. 658].

В настоящее время сохранившаяся часть этой работы находится в Архиве востоковедов ЛО ИВАН. Это 19 школьных тетрадей, содержащих русскую транслитерацию всех китайских иероглифов, транскрибирующих монгольский текст "Юань-чао би-ши" (первые 15 тетрадей), и приблизительно

© Б.И.Панкратов, 1993.

© Ю.Л.Кроль (предисловие), 1993.

¹ Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 114, л. 106.

² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед.хр. 452, л. 98.

³ Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 213, л. 9—10.

треть "монголизированной" научной транскрипции этого текста (4 тетради). Судя по датам на обложке тетради I и в конце рукописи в тетради XV, транслитерация была начата 10/VI 1921 и окончена 4/I 1922. Сохранившаяся часть "монголизированной" транскрипции включает текст "Юань-чао би-ши" с начала гл. 1 по § 5 гл. 5; внизу страниц есть примечания Б.И.Панкратова. На обложке тетради I стоят даты 10/I 22 – 18/I 22, тетради II – даты 18/I 22 – 1/II 22, тетради III – дата 9/II 22.

Сохранился и словарь памятника. Он занимает 4 продолговатых коробки и содержит (по предварительной оценке сотрудника Архива востоковедов К.В.Дубкова) около 3000 карточек; на каждой написаны монгольское слово, транскрибированное китайскими иероглифами, и его китайский перевод; на карточках есть пометки Б.И.Панкратова⁴.

Текст перевода памятника не сохранился. Б.И.Панкратов рассказывал мне, что этот перевод пропал во время войны вместе с частью словаря.

Перечисленные выше, а также более поздние архивные материалы 1936–1941 гг. позволяют составить представление об этой работе.

Она базировалась на точном знании истории текста "Юань-чао би-ши". В 1941 г. в статье-рецензии "Юань-чао ми-ши и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника", оглашенной на объединенном заседании Монгольского и Китайского кабинетов Института востоковедения в Ленинграде, Б.И.Панкратов впервые у нас подробно изложил эту историю. Он показал, что монгольский текст памятника записан не с помощью "китайско-монгольского письма", якобы являвшегося "национальным письмом монголов" в начале XIII в., а с помощью системы транскрипции слов монгольского языка китайскими иероглифами. Она была разработана в конце XIV в. китайски образованным монголом на императорской службе Хо Юаньцзе для записи текстов учебных пособий, предназначенных для обучения китайцев монгольскому языку в минском "Переводческом приказе" (Си и гуань). Работу по транскрибированию двух учебных пособий XIV в. – учебника "Хуа-и и-юй" и сочинения "Юань би ши", известного впоследствии как "Юань-чао би-ши" – выполнили чиновники Ханьлина – уже упоминавшийся Хо Юаньцзе и Ма-ша и-хэй⁵. Говоря о принципах транскрипции Хо Юаньцзе, Б.И.Панкратов подчеркивал "необычайную тщательность", с которой тот перетранскрибировал монгольский текст китайскими иероглифами: "Не довольствуясь для передачи слов монгольского языка иероглифами в их обычном начертании, Хо Юаньцзе изобрел особую систему транскрипции, изложенную в шести пунктах введения к *Хуа-и и-юй* и примененную

⁴ Там же, ед. хр. 101–103, 107–110.

⁵ См. подробнее: [ЮЧБШ, с. 12]. В 1941 г. Б.И.Панкратов предполагал, что Ма-ша и-хэй был монголом, в 1958 г. – что это был чело-век по имени Машанх родом из Средней Азии (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 114, л. 18, 30–31, 69).

также в *Юань-чао би-ши*. При помощи этой транскрипции совершенно точно передаются конечные Х, Б и Л в закрытых слогах, Р в начале слогов и глубокий заднеязычный звук, здесь условно обозначенный мною через Г, т.е. звуки, которые невозможно было передать обыкновенными иероглифами, читая их по северному произношению Минского времени". Указал Б.И.Панкратов и на метод использования "мнемонических иероглифов", примененный при транскрибировании монгольского текста; по этому методу "в каждом возможном случае один из слогов транскрибируемого монгольского слова изображается иероглифом, по значению близким к значению данного слова"⁶.

Несомненно, о принципах транскрипции Хо Юаньцзе Б.И.Панкратов знал и исходил из них еще в 20-х годах, так как параллельно с работой над "Юань-чао би-ши" вчерне подготовил в 1925—1927 гг. исследование "Китайско-монгольские словари и документы (XIV—XVII вв.) в китайской транскрипции. Реконструкция монгольского текста, перевод и примечания"; продолжал он работать над "Хуа-и-юй" и в 1936—1938 гг.⁷.

К 1921 г., когда Б.И.Панкратов начал свою работу по восстановлению монгольского текста "Юань-чао би-ши", уже существовало три или четыре рукописных транскрипции этого текста — П.Кафарова, Нака Митиё, П.Пеллио и, возможно, Цэнд-гуна⁸, но ни одна из них не была опубликована. Таким образом, панкратовская транскрипция монгольского текста "Юань-чао би-ши" была по счету четвертой или пятой в мире и совершенно независимой от других.

Следует отметить, что исходной фазой работы Б.И.Панкратова по восстановлению монгольского текста "Юань-чао би-ши" была транслитерация, конечной — транскрипция. Это значит, что за четверть века до того, как Хаттори Сиро сформулировал идею о двух транскрипциях "Юань-чао би-ши" — китаизированной и монголизированной, Б.И.Панкратов положил этот принцип в основу своей работы над памятником. При этом выполненная им китаизированная транскрипция, г.е. транслитерация иероглифов, транскрибирующих монгольский текст, учитывает среднекитайскую фонетику — принцип, соблюденный отнюдь не во всех более поздних транскрипциях (см. статью Е.А.Кузьменкова в настоящем сборнике, с. 294). Иной путь восстановления этого текста был для

⁶ См. Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 214, л. 4-6.

⁷ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед.хр. 452, л. 98; оп. 1а, ед.хр. 598, л. 84-95, 112; а также [Веллер, 1933, с. 658].

⁸ С Цэнд-гуном, своим другом и первым учителем монгольского языка, Б.И.Панкратов, вероятно, общался в 20-х годах, но неизвестно, обсуждал ли он с Цэнд-гуном, "который по печатному изданию Е Дэ-хуя переложил монгольским алфавитом весь текст" "Юань-чао би-ши", работу над этим памятником (см. Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 214, л. 8). О Цэнд-гуне см. статью В.Л.Успенского в настоящем сборнике.

Б.И.Панкратова неприемлем. Подчеркивая это в 1941 г., он писал: "Все работавшие в этой области ученые, т.е. и Палладий, и Пеллио, и Хэниш, читали иероглифы не в современном их пекинском произношении, а давали чтение, по возможности приближавшееся к минскому времени"⁹.

Основываясь на истории текста, он изложил принципы научной транскрипции "Юань-чао би-ши": "Монгольский текст ЮЧМШ ("Юань-чао ми-ши". — Ю.К.) был переписан китайскими иероглифами между 1382 и 1389 годами и передает звуки монгольской придворной речи, как она звучала в устах Хо Юаньцзе и Ма-ша И-хэ, при помощи китайских знаков, которые должны читаться так, как они читались в Северном Китае в конце XIV века. Так как каждый китайский иероглиф представляет один слог, произносимый всегда одинаково, то и мы, при транскрибировании этого текста знаками нашего алфавита, обязаны каждый слог всегда и везде писать одними и теми же знаками. Следовательно, для научного восстановления текста ЮЧМШ в транскрипции, доступной каждому, а не только китаисту, существует только один путь, необходимо: 1) учесть старое чтение иероглифов, 2) учесть диакритику, расставленную авторами китайской транскрипции, 3) не изменять по своему усмотрению чтение иероглифов"¹⁰.

Как, на взгляд Б.И.Панкратова, выглядела монгольская фонетика "Юань-чао би-ши", монголисты могут судить по сохранившейся части панкратовской транскрипции. Общая характеристика этой фонетики в какой-то мере дана в резолюции "производственного совещания" Монгольского кабинета Института востоковедения от 29/IX 1936 г., которая, по моему предположению, в первую очередь отражает точку зрения Б.И.Панкратова¹¹ (ср. ниже, с. 109). Там говорится, что транскрипция "Юань-чао би-ши" должна соответствовать "данному монгольскому языку XIII в.", а именно: следует "дифференцировать задние и передние губные гласные, провести полный сингармонизм, дифференцировать глухие и звонкие заднеязычные (q и γ), с сохранением специального обозначения h", заменить суффикс родительного падежа -но, отражающий современное чтение транскрипционного иероглифа, суффиксом -ли, учитывающим среднекитайское произношение (ср. статью Е.А.Кузьменкова в настоящем сборнике, с. 294). Часть этих положений повторяется в статье-рецензии Б.И.Панкратова от 1941 г.

Перевод монгольского текста "Юань-чао би-ши", выполненный Б.И.Панкратовым в 20-х годах, был вторым в мире после комментированного перевода Нака Митиё (1907) и первым в Европе. Принципы научного перевода памятника были намечены еще в резолюции 1936 г., где говорилось, что этот перевод должен быть точным "литературно-филологическим" (или "филологически-литеральным"), свободным

⁹ Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 214, л. 12.

¹⁰ Там же, л. 10—11.

¹¹ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 532, л. 41, 42.

от художественных вольностей и что "вольно литературный" перевод удовлетворяет лишь потребности "фольклористов, не владеющих монгольским языком и не заинтересованных в буквальном переводе"¹².

В согласии с этим ученый в 1941 г. указывал, что наука требует от переводчика памятника "не допускать в труде никаких поэтических вольностей... поэтических шалостей" без крайней необходимости, ставит условие "наивысшей точности, строгой аккуратности". Кроме того, он подчеркнул комплексный характер деятельности этого переводчика. "Единственным правильным путем" перевода монгольского текста "Юань-чао би-ши" в условиях, когда отсутствуют удовлетворительные словари, ученому представлялась "работа с оригинальным китайским текстом и подстрочным китайским переводом. Подстрочный кит [айский] перевод заменяет нам отсутствующий на русском языке словарь, точность же значений, даваемых в нем, гарантируется квалификацией... Хо Юань-цзе и Ма-ша и-хэ. Кроме того, для уяснения смысла большую помощь оказывает также и связный кит [айский] перевод в конце каждого параграфа [„Юань-чао ми-ши“]"¹³. Отсюда тезис Б.И.Панкротова: ни монголист не в состоянии дать "научно-правильный" перевод "Юань-чао ми-ши", "пользуясь средствами только монголоведения", ни китаист не может сделать это средствами одного китаеведения. "Такая работа, как и вообще вся работа над ЮЧМШ, может быть только при тесном сотрудничестве монголистов с китаистами"¹⁴.

Статья-рецензия 1941 г., откуда взяты эти слова, позволяет получить представление о претворении этих переводческих принципов в жизнь. Судя по статье и связанным с нею записям, перевод Б.И.Панкротова сильно отличался от опубликованного в 1941 г. перевода С.А.Козина: одни только примеры для статьи, записанные на карточках, показывают расхождения в передаче приблизительно 50 параграфов "Юань-чао би-ши".

В той же статье Б.И.Панкратов подчеркивал необходимость издания полного словаря памятника, потребного "как для перевода текста на русский язык... так и для нужд монгольской лингвистики", причем для него было аксиомой, что такой "словарь должен составляться по оригиналу" и включать монгольские слова этого оригинала с их подстрочными переводами на китайский язык. Так был составлен его собственный словарь, о котором мы упомянули выше. Это второй после рукописного "словаря" П.Кафарова полный словарь памятника, являющийся одновременно его иероглифическим индексом.

В 1957 — начале 1960 г., живя в Ленинграде, Б.И.Панкратов выполнил новые транскрипцию и перевод монгольского текста "Юань-чао би-ши". Если в 20-х годах он работал

¹² См. там же.

¹³ Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 214, л. 3.

¹⁴ Там же, л. 4.

над изданием памятника в 12 цзюанях, теперь ему представилась возможность опубликовать текст уникальной рукописи "Юань-чао би-ши" в 15 главах (цзюанях), приобретенной в 1872 г. в Пекине П.Кафаровым и теперь хранящейся в Восточном отделе Научной библиотеки им. А.М.Горького ЛГУ. За изданием этой рукописи факсимиле с предисловием Б.И.Панкратова (т. I) должны были последовать "перевод текста и примечания (т. II), глоссарий (т. III), реконструкция монгольского текста и транскрипция (т. IV)"¹⁵.

20/1 1958 г. на заседании Турко-монгольского кабинета ЛО ИВАН Б.И.Панкратов сделал сообщение о подготовке нового издания "Сокровенного сказания", которое имеет ключевое значение для понимания подхода ученого к "Юань-чао би-ши"¹⁶.

Б.И.Панкратов выдвинул собственную гипотезу о происхождении "Юань-чао би-ши". По его мнению, "при Монгольском дворе в Пекине существовал исторический архив, в котором хранились описания деяний каждого из императоров (*Ши лу*)", по-монгольски называвшиеся *тобчиян* (*ши*); они "были недоступны для прочтения лицам, не принадлежавшим к царскому роду, — секретны (*ми*). Тобчиян были написаны уйгурским письмом, но потом переписаны национальным монгольским алфавитом, т.е. квадратным. Я считаю, что сочинение, которое мы называем ЮЧМШ и которое вначале, при обнаружении его китайцами в конце XVIII в., носило название „Юань-ми-ши“, есть не что иное, как небольшая часть — самое начало материалов из упомянутого архива, обозначавшихся в этом архиве наименованием „Монгол ун нигуча тобчиян“ — наименованием, которое Хо Юань-цзе перевел дословно „Юань-ми-ши“. Тщательное исследование транскрипции текста позволяет мне утверждать, что оригиналом для Хо Юань-цзе послужил текст, написанный квадратным письмом. Хо Юань-цзе транскрибировал текст иероглифами, произнося их так, как произносили в столице..." Он не транслитерировал монгольский текст, т.е. ...не переписывал его, подставляя под каждый монгольский слог какой-то иероглиф, а транскрибировал, т.е. писал каждое слово так, как он сам, читая, произносил по-монгольски. Поэтому-то и получается некоторое несоответствие его транскрипции с написанием слов квадратным алфавитом".

Как и в 20-х годах, Б.И.Панкратов продолжал считать, что "при издании реконструированного текста нужно давать: 1) транслитерацию китайских иероглифов в чтении XIV в., 2) транскрипцию этой транслитерации, т.е. передачу монгольского текста так, как он звучал в чтении монгола XIV в." — Хо Юаньцзе. "Работая над восстановлением текста, я исхожу из положения, что язык памятника — это язык квадратной письменности, язык, которым говорили при дворе Юаньских и [мперато]ров, язык, во многом схожий с

¹⁵ См. [ЮЧМШ, с. 15, 18].

¹⁶ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 1290, л. 3-5; Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 114.

языком дагуров, живущих в верховьях р. Нонь. С этим языком имеются следующие общие черты: 1) полностью сохраняются местоимения 3-го лица ед. и мн. числа, 2) имеется т[ак] н[азываемое] начальное h, 3) причастие будущего времени имеет окончание -гу, а не -ху, и еще некоторые... Я считаю, что в языке Сокровенного Сказания полностью считается гармония гласных, и, т[аким] о[бразом], тогда произносили не Мэрган, а Мэргэн, не дёрбан, а дёрбэн и т.д. Суффикс род[ительного] падежа, который передавали (Хэниш, а за ним Козин) как -но, в действительности читался -ну. Чжун¹⁷ в словах заднего ряда обозначает не глухой заднеязычный сильный смычный звук q, а звонкий заднеязычный слабый проточный γ. Суффикс соединит[ельного] деепричастия -джу произносится -джи¹⁸.

Сравнение этого описания фонетических особенностей языка "Юань-чао би-ши" с описанием "данных монгольского языка XIII в." из резолюции 1936 г. (см. выше, с. 106) подтверждает, что резолюция отражала взгляды Б.И.Панкратова, сложившиеся, очевидно, в основном в 20-е годы; этим взглядам он оставался верен всю свою научную жизнь.

В 1957 г. Б.И.Панкратов занимался реконструкцией монгольского текста памятника, начатой, возможно (судя по дате на обложке), еще в 1952 г. Транскрипция была завершена в объеме 8 а.л., но в Архиве востоковедов находится меньше половины ее — транскрипция § 1—176, т.е. с главы 1 до конца первой трети главы 6 по 12-главному тексту¹⁹.

В 1958—1959 гг. Б.И.Панкратов перевел 10 глав памятника (по 12-главному тексту, т.е. § 1—246) объемом приблизительно 6 или 7 а.л.²⁰. Через несколько лет он говорил мне, что довершил свой перевод в начале 1960 годов, но издает его, лишь когда еще раз проверит, унифицирует написания имен собственных и т.п. Я помню, что в начале 1960 годов Б.И.Панкратов перепечатал на машинке то, что у него было сделано по "Юань-чао би-ши".

Рукописные и машинописные фрагменты этого перевода хранятся в Архиве востоковедов. Они охватывают большую часть текста первых десяти глав "Юань-чао би-ши". Кроме того, разные куски перевода имеют разную степень готовности. Видимо, в последней редакции до нас дошли только переводы "Частей (глав. — Ю.Н.)" I (чистовая рукопись) и V—VII (первый экземпляр машинописи) по 12-главному

¹⁷ В оригинале — китайский иероглиф "середина". Имеется в виду маленький диакритический знак *чжун*, стоящий сбоку от некоторых иероглифов в транскрипции Хо Юаньцзе.

¹⁸ См. Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 114, л. 47—49, 51—52, 78—83.

¹⁹ Там же, ед. хр. 104, 105; ср. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 1238, л. 61, 47—48; ед. хр. 1239, л. 1, 13, 46, 123; ед. хр. 1289, л. 106; ед. хр. 1353, л. 74—75.

²⁰ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1289, л. 106—109; ед.хр. 1353, л. 45, 74—76; ед. хр. 1418, л. 55 и др.

тексту, т.е. § 1-68, 148-197. Вероятно, предшествующий этап работы представлен рукописью перевода § 1-84 и первым экземпляром машинописи перевода § 104-147; оба текста изначально не были разделены на части или главы, но машинопись была впоследствии разделена на главы III и IV, названия которых Б.И.Панкратов вписал от руки; в рукописи номера параграфов проставлены, в машинописи же — нет, за исключением вписанного от руки номера § 104; в обоих текстах есть некоторые пропуски в переводе. Кроме того, в архиве хранятся черновые наброски перевода § 1-26, а также черновой перевод § 220-243, тоже с некоторыми пропусками. Эти переводы отражают панкратовское прочтение главы 1, первой половины главы 2, глав 3 и 4, второй половины главы 9 и почти всей главы 10 памятника по 12-главному тексту²¹.

Иными словами, пока что в нашем распоряжении панкратовский перевод § 1-243 "Юань-чао би-ши" с двумя большими лакунами: нет перевода с середины § 84 по § 103 и с § 198 по § 219²². Сохранившийся перевод включает около 200 параграфов из 282, а по объему охватывает почти две трети текста "Юань-чао би-ши".

Единственной опубликованной частью работы Б.И.Панкратова над памятником является факсимильное издание 15-главного текста "Юань-чао би-ши" с предисловием ученого. Он подготовил текст к осени 1959 г. и выпустил его в свет в 1962 г.²³ По выражению Х.Франке, эта публикация вновь сделала "доступной для науки чрезвычайно важную версию этого текста", заслужив своему автору "благодарность сино-монголистов всего мира"²⁴. Дополнительную ценность изданию придает предисловие Б.И.Панкратова, где даны описание рукописи, ее подробная история на фоне истории текста "Юань-чао би-ши" и высказана остроумная гипотеза о первоначальном монгольском названии этого памятника.

В конце 60-х — начале 70-х годов Б.И.Панкратов продолжал заниматься вопросами, так или иначе связанными с "Юань-чао би-ши". В частности, он написал статью-доклад "К вопросу о переводе 216-го параграфа „Сокровенного сказания“", имеющий также и другие названия. Под названием "Об уточнении некоторых монгольских терминов" этот доклад был сделан 11/III 1969 г. на заседании Сектора Восточной и Юго-Восточной Азии Института этнографии АН

²¹ Переводы Б.И.Панкратова из "Юань-чао би-ши" см. в Архиве востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, № 106.

²² Эти отсутствующие в архивах фрагменты перевода были выполнены Б.И.Панкратовым: первый — к 20/III 1958 г., а второй — к 15/XI 1959 г. См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1289, л. 108; ед. хр. 1353, л. 76.

²³ См. [ЮЧБШ]; Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 112, 113; ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1353, л. 5, 13, 16, 45, 76; ед. хр. 1354, л. 17.

²⁴ Письмо Б.И.Панкратову от 14/II 1972 г.

СССР. Сохранилось несколько вариантов текста этого доклада²⁵.

От работы Б.И.Панкратова над "Юань-чао би-ши" сохранилось довольно много, хотя и меньше, чем хотелось бы. Он был крупным ученым и международно признанным экспертом по этому памятнику, вписал свою страницу в историю его изучения; его мнение о "Юань-чао би-ши" не безразлично науке. Поэтому представляется целесообразным издать то, что можно, из его наследия. Ниже мы приводим образцы его переводов из "Юань-чао би-ши".

ПЕРЕВОДЫ

Часть I

Родословная Чингис-хана

§ 1. Был Бортэ Чино ("Серый волк"), родившийся по воле Верховного Неба. Его женой была Гоай Марал ("Каурая олениха"). Они пришли сюда, переправившись через озеро Тэнгис. Был [у них сын] Батачи-хан, который родился, когда они кочевали у горы Бурхан-Халдун в верховьях реки Онон.

[§] 6. Дува Сохор сказал: "Хороша девушка, что сидит на передке кибитки, среди тех подкочевывающих сюда людей. Если она ни за кого еще не выдана, то я буду сватать ее за тебя, моего младшего брата Добун Мэргэна". Сказал так и отправил своего младшего брата Добун Мэргэна посмотреть на девушку.

[§] 9. Когда в землях Хори Тумат был наложен запрет на охотничьи угодья, богатые соболем и белкой, Хорилартай Мэргэн рассердился. Он принял для своего рода прозвище Хорилар и, говоря, что земли около горы Бурхан-Халдун хороши для охоты, сейчас перекочевывал, направляясь к владельцам горы Бурхан-Халдун — Бурхан Босгахсану и Шэньчи Баяну из племени Урянхай. Вот при каких обстоятельствах произошло сватовство и женитьба Добун Мэргэна на Алан Гоа, дочери Хорилартай Мэргэна из племени Хори Тумат, родившейся в местности Арих Усун.

[§] 13. Добун Мэргэн сказал: "Друг, и я в доле!" — "Дам!" — сказал человек и, оставив себе "джулдэ" с легкими и шкуру, отдал Добун Мэргэну целиком все мясо трехлетнего оленя.

[§] 19. Однажды весной она¹ сварила провяленную тушу барана, посадила рядом друг с другом пятерых своих сыновей — Бэлгунутэя, Бугунутая, Буху Хатаги, Бухату Салдони и Бодончар Мэргэна, дала каждому по древку стрелы и сказала: "Переломите!" Какой тут труд, переломить по одному древку! Переломили. Тогда она связала вместе пять древков, дала им и сказала: "Переломите!" Пятеро сыновей эти

²⁵ См. Архив востоковедов ЛО ИВАН, оп. 1, ф. 145, ед.хр. 115, 116.

пять связанных древков каждый подержал, по очереди ломал, но переломить не смог.

[§] 20. Тогда их мать, Алан Гоа, сказала: "Вы, двое моих сыновей, Бэлгунутэй и Бугунутай, ведете между собою разговоры, подозревая меня. Вы говорите — Она родила вот этих трех сыновей. От кого эти сыновья? — Подозрения ваши правильны.

[§] 21. Каждую ночь по свету, проникавшему через щель в дымнике², приходил блистающий желтый человек. Он гладил мне живот, и его сияние проникало в мой живот. Когда он уходил, то, как желтая собака, он взбирался по лучам солнца и луны. Зачем вы так необдуманно говорите? Ведь если судить по этому, то это признак того, что они дети Неба. Как вы можете говорить о них как о простых смертных? Вот когда они станут великими ханами, тогда-то поймут простолюдины".

[§] 25. Живучи таким образом³, он однажды увидел, как молодой сокол поедал пойманного им тетерева. Тогда Бодончар сделал силок из волоса своего серого коня со сбитой спиной и голым хвостом, поймал сокола и стал его воспитывать.

[§] 27. Наступила весна. Когда стали прилетать утки, Бодончар проморил сокола голодом, а потом стал пускать на дичь. Сокол бил столько уток и гусей, что они висели и гнили, испуская зловоние на каждом сухостое, на каждом пне.

[§] 28. Из-за северного склона горы Дуйрэн, вниз по течению речки Тунгэлик прикочевала группа людей. Бодончар, охотясь с соколом, стал заходить к ним. Днем он пил у них кумыс, а вечером ночевать уходил в свое жилье — травяной шалаш.

[§] 35. Тогда Бодончар сказал: "У тех людей, которые живут на реке Тунгэлик, нет ни больших, ни малых, ни знатных, ни простых, ни господ, ни слуг. Это люди, которыми легко завладеть. Давай-ка мы их захватим!"

[§] 38. Бодончар, будучи передовым разведчиком, захватил беременную женщину и спросил ее: "Кто ты такая?" Эта женщина сказала: "Я женщина из племени Джарчиут, из рода Аданхан Урянхай".

[§] 39. Пятеро братьев, забрав в полон тех людей, теперь стали обладателями и скота, и пищи, и людей, и слуг.

[§] 41. Та женщина родила от Бодончара одного сына. Так как она была пленницей, то этому сыну дали имя Бааритай. Он был предком рода Баарин. Сын Бааритай — Чиду-хул Боко. У Чиду-хул Боко было много жен. Сыновей родилось великое множество. Они стали родом Мэнэн Баарин.

[§] 64. Мы, племя Унгират, испокон веков славимся прелестью наших племянниц, красотой наших дочерей. Мы не спорим с соседями о владениях, а наших румяных девиц, посадив в большие телеги, запряженные черными верблюдами, рысцой отправляем вашим ханам и сажаем их рядом с ними на ханский престол. Мы не спорим о владении народами и землями. Мы, вырастив красивых дочерей, сажаем их в те-

леги, запряженные сивыми верблюдами, и, отправившись в путь, сажаем их рядом с ханом на высокий трон. Мы с давних времен народ Унгират, у которого щитами — ханши, а ходатайствами — девушки. Мы крепки прелестью племянниц и красотой дочерей⁴.

[Часть II]

[§] 79. Тогда пришел во главе своей дружины [тайчиудский] Таргутаи Кирилтух, [думая, что теперь: безобразные (подобно голым птенцам) — оперились, слюнявые (как телята) — подросли]⁵.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в лес. Бэлгутэй строил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с врагами. Хачиуна, Тэмугэ и Тэмулун спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиуды стали громко кричать: "Выдайте нам вашего старшего брата, Тэмуджина! Другого нам ничего не надо!" Этим они и побудили Тэмуджина бежать. Заметив, что Тэмуджин направился в лес, Тайчиуды бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине горы Тэргунэ. Не умея туда проникнуть, Тайчиуды окружили этот лес и стали его сторожить.

[§] 31. Таргутаи Кирилтух привез Тэмуджина к себе и распорядился, чтобы его подданные по очереди давали Тэмуджину ночлег⁶. 16-го числа первого летнего месяца по случаю праздника полнолуния Тайчиуды устроили пир на крутом берегу р. Онона и расходились с пира, когда уже заходило солнце. На это празднество Тэмуджина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все пировавшие разошлись, Тэмуджин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и ударив его раз по голове своей шейной колодкой. Он, бежав, прилег было в ононском лесу, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку пустил плыть вниз по течению.

[Часть III]

[§ 105.] От Тоорил-хана Тэмуджин, Хасар и Бэлгутэй вернулись домой, и уже из дому Тэмуджин послал к Джамухе Хасара и Бэлгутэя, наказав им: "Вот так скажите моему побратиму Джамухе: „Ложе мое пусто⁷. Принадлежит к одной семье, мы ведь не чужие друг другу. Как же нам отомстить? Принеся кровную клятву, разве мы чужие друг другу? Как же мы выполним свою месть?" Не только это наказывал он передать своему побратиму Джамухе, но также и собственные слова кэрэйтского Тоорил-хана: "Помня, что я в свое время был облагодетельствован отцом — Есугэй-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двадцатью тысячами я выступлю правым крылом. Пошли переговорить с млад-

шим братом Джамухой, не подыметя ли он со своими двадцатью тысячами. Место же и время для встречи пусть назначит сам брат Джамуха". Выслушав все это, Джамуха сказал: "Только я услышал про Тэмуджина...⁸ Теперь, когда (мы) хлопаем по чепракам, производя (этим) шум (как от) барабана, пугливый (трусливый) Тохтога, чай, уж в степи Буура. Когда встряхиваем (наши) прикрытые крышками колчаны, трус Даир Усун теперь, чай, уж на острове Талхун-Арал у слияния Сэлэнгэ с Орхоном. Удирающий со всех ног в лес, когда ветром несется (на него) перекасти-поле, Хаатай Дармала теперь, чай, уж в степи Хараджи. Теперь мы прямо через (поперек) Хилок, лишь бы был цел (там) камыш, свяжем плоты и переплывем. Нападем, как снег на голову, внезапно на труса Тохтога (букв.: проникнув через дымовое отверстие юрты), разгромим в прах остов юрты. Жен и сыновей его истребим поголовно, расколем дверную раму (порог) его, принадлежащую гению счастья (являющуюся обителью гения счастья), весь народ его истребим до единого.

[§ 112.] Поймали Хаатай-дармала, надели ему колодку на шею и повезли к Бурхан-Халдуну. Колодки из досок ему надели, к Халдун-бурхан отправили. Бэлгутаю указали на стойбище, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она в рваной овчинной шубе ушла через левую сторону двери, в то время как ее сын входил через правую. Вышла во двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: "Мои сыновья стали, говорят, ханами, а я тут отдана низкому человеку. Как же мне смотреть теперь в глаза моим сыновьям?" С этими словами она убежала и скрылась в лесу. Как ее ни искали, так и не нашли. Поэтому Бэлгутаю как только видел кого-либо из Мэркитов, тотчас же приказывал стрелять в них тупоголовыми стрелами, приговаривая: "Приведи мою мать!"⁹

[§ 115.] Тэмуджин, Тоорил-хан и Джамуха, сообщая разрушив жилища Мэркитов и полонив их красивых жен, на обратном пути пошли через Талхун-Арал, что у слияния рек Орхон и Сэлэнгэ. Тоорил-хан направился к Черному лесу на реке Туле, следуя по северным лесистым склонам Бурхан-Халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно занимаясь охотой.

[§ 116.] Тэмуджин с Джамухой сообщая расположились на Хорхонах-дзубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз они поклялись быть побратимами, еще когда Тэмуджину было одиннадцать лет: Джамуха подарил тогда Тэмуджину лодыжку от козули, а Тэмуджин ему дал в знак дружбы лодыжку, налитую медью. Они вместе играли в лодыжки на льду реки Онон. После этого, когда они весной стреляли из игрушечных луков, Джамуха подарил Тэмуджину стрелу-йори, склеенную из рога, а Тэмуджин — стрелу годоли, сделанную из можжевельника¹⁰. И они поклялись друг другу быть побратимами. Так они побратались вторично.

[Часть IV]

[§ 133.] Чингис-хан сказал: "Татары — наши старые враги. Они губили наших отцов и дедов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем сражении". Он послал Тоорил-хану следующее извещение: "По сведениям, Алтан-ханов Онгин-чинсан гонит перед собою, вверх по Ульдже Мэгуджин-Сэулту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил!" На это извещение Тоорил-хан отвечал: "Правда, сын мой. Объединимся!" На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Джуркинцам: "Давайте пойдем вместе с нами для истребления Татар, которые испокон веков были убийцами наших дедов и отцов!" Они прождали лишние шесть суток против того срока, в который тем следовало явиться. Не имея более возможности ожидать, Чингис-хан с Тоорил-ханом объединенными силами двинулись вниз по Ульдже. По причине передвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Онгин-чинсаном, Мэгуджин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуэн и Нарату-шитуэн. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мэгуджина из этих укреплений. Мэгуджин-Сэулту тут же убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мэгуджина серебряную люльку и одеяло, расшитое жемчугом.

Часть V

[§ 151.] Потом Эркэ-хара, младший брат Он-хана, которого Он-хан, его старший брат, собрался убить, бежал и просил покровительства у найманского Инанча-хана. Инанча-хан послал войска против Он-хана. Он-хан бежал и путем, пролежавшим через три города, добрался до кара-китайского Гур-хана. Затем он поссорился с Гур-ханом и пошел через уйгурские и тангутские города, питаясь тем, что доил пять коз, которых вел с собою, да пускал кровь верблюду. Когда он, изнуренный, добрался до озера Гусэур-нур, Чингис-хан, не забывший, что между Он-ханом и Есугэй-ханом когда-то был заключен союз побратимства, отправил к Он-хану послов — Тахай-баатура и Сукэгай-донэуна. Сам Чингис-хан выступил ему навстречу с верховьев Кэрулэна. Видя, что Он-хан изнурен и истощен, Чингис-хан собрал с народа подать и дал Он-хану. Ввел его в свой стан и заботился о нем. Той зимой Чингис-хан кочевал вместе с Он-ханом, и зимовали они в местности Хубахая.

[§ 152.] Потом младшие братья и нойоны Он-хана стали говорить: "У нашего хана и старшего брата безжалостный характер и предательское сердце. Он уничтожил своих братьев. Он сам ушел к Кара-китайам, а народ свой оставил страдать. Что нам теперь делать с ним? Если вспомним о прошлом, то, когда ему было семь лет, он попал в плен

[к] Мэркитам. Там, одетый в черно-пеструю козлиную доху, в местности Буура-Кээр на реке Сэлэнгэ, толоч в ступе зерно для Мэркитов. После того как отец его Хурчакус-буирук-хан разгромил мэркитский народ и освободил из плена своего сына, он опять, когда ему было тринадцать лет, вместе со своею матерью был взят в плен татарским Аджай-ханом. Когда он пас там верблюдов, один пастух овец Аджай-хана взял его и бежал с ним к Кэрэйтaм. Потом, спасаясь от Найманов, он бежал в сартаулскую землю на реку Чуй к кара-китайскому Гур-хану. Не прошло и года, как он там рассорился с Гур-ханом и пошел, бедствуя, по уйгурским и тангутским землям, имея одного кривого буланого коня. А питался он тем, что доил пять коз, которых вел с собою, да пускал кровь верблюду. Когда он пришел к сыну Тэмуджину, этот собрал с народа подать и дал ему на пропитание. А теперь он забыл, как отнестя к нему Тэмуджин, и замьшляет недоброе". — "Что нам делать?" — говорили они. Алтун-ашух эти слова довел до сведения Он-хана. Алтун-ашух сказал: "Я ведь тоже участвовал в этом совещании, но я не смог изменить тебе, своему хану". Тогда Он-хан приказал схватить совещавшихся младших братьев своих и нойонов — Элхутура, Хулбари, Арин тайсэ и других. Из числа младших братьев — Джахаганбу сумел бежать и просил убежища у Найман. Пойманных привели в юрту, и Он-хан сказал им: "Что мы говорили друг другу, когда шли сюда по уйгурским и тангутским землям? Что мне думать о таких, как вы?" Он-хан плюнул им каждому в лицо и велел освободить их. Следуя примеру хана, все находившиеся в юрте встали и тоже плевали.

[§ 154.] Уничтожив и разграбив знатных Татар, Чингис-хан собрал большой совет, чтобы решить, что делать с татарским народом. Для этого он созвал всех своих родичей в одну юрту и, советуясь, сказал им: "С давнего времени Татары были убийцами наших дедов и отцов. Теперь настало время отомстить за наших дедов и отцов. Уничтожим всех Татар ростом не ниже чеки! Вырежем их! А тех, кто останется, обратим в рабство! Разделим их между собою!" Когда совет закончился и все выходили из юрты, Татарин по имени Экэ-чэрэн спросил у Бэлгутэя: "Что решили на совете?" Бэлгутэй сказал: "Решили всех вас вырезать, кто ростом не ниже чеки". Об этих словах Бэлгутэя Экэ-чэрэн оповестил Татар, и они укрылись в укреплениях. Чтобы взять эти укрепления, наши войска положили много сил и труда. Когда Татар, оставшихся в живых в укреплениях, собирались убивать всех, кто ростом не ниже чеки, Татары сговорились: "Давайте, пусть каждый из нас спрячет в рукаве нож и умрет на трупе врага". И опять наши понесли большие потери. Уничтожив Татар, всех, кто ростом не ниже чеки, Чингис-хан повелел: "Бэлгутэй рассказал Татарам о решении, принятом на великом совете наших родичей, поэтому наши войска понесли большие потери. Теперь в будущем Бэлгутэй пусть не входит на заседания великого совета. До окончания совещания пусть он находится снаружи.

Пусть он разбирает тяжбы по дракам; разбью и воровству. Пусть Бэлгутэй и Дааритай входят после того, как совещание закончено и выпита круговая чаша", — таково было повеление.

[§ 155.] Вот тогда-то Чингис-хан и взял себе в жены дочь татарского Екэ-чэрэна — Есугэн-хатун. Когда Чингис-хан ее ласкал, Есугэн-хатун сказала: "У меня есть старшая сестра. Она лучше меня. Она достойна хана. Недавно выдана замуж. Теперь, во время этих беспорядков, не знаю, куда убежала". На эти слова Чингис-хан ответил: "Если твоя старшая сестра красивее тебя, то я велю ее разыскать. Но если твоя сестра придет сюда, то ты уступишь ли ей свое место?" Есугэн-хатун сказала: "С соизволения хана, как только я увижу сестру, я тотчас же уступлю ей свое место". Тогда Чингис-хан отдал приказ о поисках, и наши воины нашли ее бродившей по лесу вместе с мужем. Муж убежал, а Есуй-хатун схватили и привели. Есугэн-хатун, как только увидела свою старшую сестру, тотчас же, во исполнение своего обещания, встала и посадила ее на свое место, а сама села ниже. Есуй-хатун вполне соответствовала тому, что говорила Есугэн-хатун. Есуй-хатун понравилась Чингис-хану, он взял ее в жены и посадил рядом с собой.

[§ 156.] После разгрома татарского народа Чингис-хан однажды сидел снаружи юрты и выпивал. Он сидел между Есуй-хатун и Есугэн-хатун и пил вместе с ними. В это время Есуй-хатун вдруг глубоко вздохнула. Чингис-хан обратил на это внимание и, позвав к себе Боорчу и Мухали, сказал им: "Пусть все собравшиеся здесь разобьются по аймакам, пусть каждый встанет в группу своего аймака. Тогда ясно выявятся все чужие, не принадлежащие к нашим аймакам". Когда все встали, разделившись на аймаки, остался один ловкий, красивый молодой человек¹¹. Когда его спросили, кто он такой, молодой человек ответил: "Я муж Есуй, дочери татарского Екэ-чэрэна. Когда враги напали, я испугался и спрятался. Теперь же, видя, что все успокоилось, я подумал, что меня никто не признает среди такого множества народа, и потому пришел сюда". Об этих словах было доведено до сведения Чингис-хана, который соизволил повелеть: "Это же замышлявший недоброе наш враг. Он пришел что-то у нас высмотреть. Таких, как он, мы уже подгоняли под высоту колесной чеки. Чего долго раздумывать, уберите его с глаз долой!" И его тут же обезглавили.

[§ 160.] Вместе с Он-ханом пошел и Джамуха. Он сказал Он-хану: "Мой побратим Тэмуджин давно уже обменивается посланцами с Найманами. Теперь он не пошел с нами. Я-то все равно что пасточка, которая остается там, где ее гнездо, а вот мой побратим — это жаворонок, который стремится улететь. Он готов перейти к Найманам и остаться там, чтобы поддаться им". На эти слова Джамухи Убхичтай Гурин-баатур возразил: "Как можно из угодничества так позорить своего доброго брата?"

[§ 161.] Чингис [-хан] ночевал на том же месте. Когда рассвело, он приготовился к сражению, увидел, что Он-хана нет на месте стоянки. Тогда Чингис-хан сказал: "Должно быть, он хотел, чтобы мы здесь сварились, как в котле". С этими словами Чингис-хан отправился в путь. Он перешел через перевал Эдэр Алтай и, все время двигаясь в одном направлении, дошел до Саари-кээр, где остановился и расположился лагерем.

[§ 163.] Ограбленный Коксэу Сабрахом, Он-хан отправил посланца к Чингис-хану. Отправляя посланца, Он-хан поручил ему сказать Чингис-хану: "Мой народ, мои жены и дети захвачены в плен Найманами. Я посылаю к тебе гонца, чтобы просить у тебя твоих четырех богатырей, которые спасут и вернут мне мой народ!" Тогда Чингис-хан собрал войска и отправил своих четырех богатырей: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-баатура. До того, как прибыли эти четыре богатыря, Сэнгум уже вступил в бой в местности Хулаан-хут. Его лошадь была ранена стрелой в голень. Сэнгума враги хотели уже схватить, как подоспели четыре богатыря и спасли его. Они освободили также и возвратили ему полностью народ и имущество, жен и детей. Тогда Он-хан сказал: "В прошлом его почтенный отец вот так же возвратил мне мой рассеявшийся народ. Теперь снова четверо богатырей моего сына пришли мне на помощь, чтобы вернуть мне мой народ. Клянусь покровительством и помощью Неба и Земли, что я отплачу ему за такие благодеяния!"

[§ 164.] Он-хан еще сказал: "Однажды мой побратим Есугэй-баатур пришел мне на помощь и вернул мне мой народ. Мой сын Тэмуджин теперь опять пришел мне на помощь и вернул мне мой народ. И вот теперь я озабочен: кому передать этот народ, который собрали и вернули мне эти отец и сын? Я уже стар. Я состарился до того, что меня уже пора хоронить на высоком месте. Я одряхлел до того, что меня пора уже отнести на крутую гору! А кто же будет ведать всем народом? Мои младшие братья — люди никудышные. У меня есть сын Сэнгум, но один-единственный, а это все равно что и нет сына. Если я сделаю моего сына Тэмуджина старшим братом Сэнгума, то у меня будет двое сыновей и я буду спокоен!" Он-хан встретился с Чингис-ханом в Черном лесу на реке Туле, и там они уговорились называть друг друга отцом и сыном. Причина, по которой они стали называть друг друга отцом и сыном, была такова. Он-хан был побратимом Есугэй-баатура, отца Чингис-хана, а потому он и был для Чингис-хана как бы отец. Это и было причиной, по которой они стали называть друг друга отцом и сыном. Они произнесли следующие слова: "В войне с многочисленными врагами будем ратовать вместе. В облавах на диких зверей будем охотиться вместе". Чингис-хан и Он-хан еще сказали друг другу: "Если из зависти зубастая змея клеветы будет возбуждать нас друг против друга, не будем верить клевете. Поверим лишь тогда, когда встретимся и объяснимся. Если будет возбуждать

нас друг против друга клыкастая змея злобы, не будем злобиться, а поверим лишь тогда, когда друг с другом переговорим". Когда они окончили эти речи, они стали жить в дружбе и согласии.

§ 167. После этих слов Нилха Сэнгум отправил Сайхан Тодээна, чтобы повторить все сказанное Он-хану, его отцу. Когда ему повторили все сказанные слова, Он-хан сказал: "Как можете вы думать так о моем сыне Тэмуджине? Мы теперь доверились ему, и не будет нам милости Неба за такие злые мысли против Тэмуджина. У Джамухи язык мелет без разбора". И Он-хан отправил посланца назад, не дав своего одобрения. Тогда Сэнгум снова послал гонца к нему со следующими словами: "Если каждый человек, у которого есть рот и язык, говорит так, то почему же нам не верить?" Но так как Он-хан отправил гонца обратно с теми же словами, Сэнгум лично отправился к отцу и сказал: "Даже теперь, когда ты еще жив, он нас ни во что не ставит. А что же будет, когда ты умрешь? Оставишь ли ты мне управление народом, который с таким трудом был собран твоим отцом Хурчахус-буирук-ханом? Кто будет править народом?" На это Он-хан ответил: "Как я могу забыть своего собственного сына, свое родное дитя? Но так как до сего времени мы доверялись ему, как же можно злоумышлять против него? Небо откажет нам в своем покровительстве". При этих словах Нилха Сэнгум, сын его, рассердился, откинул войлочную занавеску двери и вышел. Проникнувший любовью к сыну, Он-хан позвал его обратно и сказал: "Я думаю только, чтобы Небо не лишило нас своего покровительства, а своего сына я не могу покинуть. Делайте, что хотите, решайте сами".

Часть VI

§ 170. Когда ему так рассказали, Чингис-хан, вполне доверяя словам Бадая и Кишлиха, в ту же ночь предупредил доверенных людей, которые находились при нем, бросил все имущество и ночью бежал. Он пошел северной стороной горы Мао-ундур. Урянхадайскому Джэлмэ он поручил тыл по горе Мао-ундур и оставил также позади себя арьергард, а сам направился дальше. Продвигаясь вперед, на другой день, когда солнце перешло уже за полдень, он прибыл в местность Халахалджин Элэт и там встал лагерем на отдых. Во время отдыха Чигидай и Ядир, которые пасли лошадей Алчидаея, выбирая прогалинки с зеленой травой, заметили пыль, поднятую врагами, подходившими через урочище Хулаан-бургат. Уверившись, что это действительно враги, Чигидай и Ядир тотчас же погнали лошадей к лагерю. Узнав от них о приближении врагов, Чингис-хан отправил разведку. Установили, что за ними гонится Он-хан, войско которого направляется через урочище Хулаан-бургат, подымая пыль по северной стороне горы Мао-ундур. Чингис-хан, увидев поднявшуюся пыль, тотчас же приказал поймать

и заседлать лошадей и уехал. Никто и не заметил, как враги приблизились. Когда прибыл Джамуха, он поехал вместе с Он-ханом. Он-хан спросил у Джамухи: "Кто из окружающих моего сына Тэмуджина может действительно вступить с нами в бой?" Так он спросил. Джамуха отвечал: "У него есть люди, которые зовутся Урууты и Мангуты. Эти люди его сражаются очень хорошо. В пылу битвы они не теряют строя, в жаркой схватке они соблюдают порядок. Это люди, которые с малых лет привыкли к коню и мечу. Это у них черные и пестрые знамена. Это такие люди, которых следует остерегаться"¹². На это, Он-хан сказал: "Если так, то мы выставим против них Хадаха с его храбрими Джиргинцами. За Джиргинцами мы поставим Ачих-Шируна с его Тумэн-Тубэгэнами. За Тубэгэнами мы поставим храбрецов Олон-Дунхайтов. За Дунхайтами пусть следует тысяча турхаутов Он-хана, возглавляемая Хори-Ширэмун-тайджи. Позади тысячи турхаутов расположится наша главная рать". Он-хан сказал еще: "Мой младший брат Джамуха, ты командуй нашей армией!" При этих словах Джамуха отъехал в сторону и сказал своим товарищам: "Он-хан говорит мне, чтобы я командовал его войсками. Я же никак не способен сражаться против моего побратима. Раз Он-хан просит меня командовать его войсками, это значит, что он еще менее способен, чем я. Ну и сотоварищ у меня! Я предупрежу побратима. Пусть побратим примет меры предосторожности!" Сказав это, Джамуха тайно отправил гонца предупредить Чингис-хана такими словами: "Он-хан спросил меня: „Кто из окружающих моего сына Тэмуджина может действительно вступить с нами в бой?“ Я сказал: „Во главе у него находятся Урууты и Мангуты“. Так я сказал. После этих моих слов он решил поставить впереди, во главе атакующих, Джиргинцев. За Джиргинцами, он сказал, должен следовать Ачих-Ширун со своими Тумэн-Тубэгэнами. [За Тубэгэнами, он сказал, должны идти Олон-Дунхайты.] За Дунхайтами, он сказал, должен идти Хори-Ширэмун-тайджи, командир тысячи турхаутов Он-хана. Позади их, он сказал, будет стоять сам Он-хан со своею главной ратью. Потом Он-хан сказал: „Младший брат Джамуха, ты командуй нашей армией!“ Сказав так, он возложил на меня управление войском. Если судить по этому, то хороший же у меня сотоварищ! Как могу я командовать его войсками? Я никогда не был способен сражаться против моего побратима, а Он-хан еще менее способен, нежели я. Побратим, не бойся! Будь бдительным!" Вот с какими словами он отправил гонца.

[§ 174.] Тут пришел к Чингис-хану Хадаан-Далдурхан, оставивший у Он-хана своих жен и детей. Придя, он рассказывал об Он-хане следующее. Когда Сэнгум был ранен стрелой в румяную щеку и упал с лошади и когда воины обступили его, Он-хан сказал: "Кого нельзя раздражать — раздражили. С кем нельзя драться — подрались! Бедному моему сыну в щеку гвоздь вбили. Остался мой сын живым, пусть теперь еще попытается!" Ачих-Ширун сказал: "Хан, хан, перестань! Когда мы хотим иметь сына, то молимся и

приносим жертвы. Мы обращаемся к божествам с призываниями: „А буй, ба буй!“ Позаботься же о своем сыне Сэнгуге, который у тебя уже есть. Большинство Монголов у нас с Джамухой, Алтаном и Хучаром. Те же Монголы, которые ушли с Тэмуджином, не имеют пристанища. Куда они пойдут? У каждого из них есть только лошадь, на которой он сидит, а прикрытием им служат деревья. Если они сами не придут к нам, мы приведем их, мы соберем их, как собирают конский помет в полу халата". На эти слова Ачих-Шируна Он-хан сказал: "Мой сын, наверно, утомлен. Не трясите его при переноске". Сказав это, Он-хан приказал уходить с поля сражения. Так рассказал Хадаан-Далдурхан.

Часть VII

§ 186. Когда Чингис-хан разгромил народ Кэрэитов, он распорядился раздать его своим сподвижникам. Сто семей из рода Джиргин получил Тахай-баатур сулдэсский. Тулуй получил Сорхахтани-бэки, младшую из двух дочерей Джаха-Гамбо, брата Он-хана. Старшую же, по имени Ибаха-бэки, взял себе. По этой причине он не позволил лишить Джаха-Гамбу его подданных.

[§ 187.] Чингис-хан еще соизволил сказать: "За услугу, оказанную Бадаем и Кишлихом, пусть они получат большой золотой шатер¹³ Он-хана со всем, что в нем находится: с золотой винницей и сосудами, а также и со всеми прислуживающими там людьми. Пусть род Онходжит из Кэрэитов будет у них телохранителями. Пусть Бадай и Кишлих носят колчан и стрелы, пьют чару на пиру хана, и пусть их род из поколения в поколение будет дарханам. В военных походах пусть они пользуются полностью военной добычей. На охоте, в облавах пусть они пользуются полностью убитым зверем!" И еще он добавил: "Благодаря услуге, оказанной мне Бадаем и Кишлихом, благодаря их услуге, которая спасла мне жизнь, я с помощью Вечного Неба разбил народ Кэрэитов и достиг великого сана. Пусть же potomки мои на троне из поколения в поколение хранят в памяти оказавших эту услугу!" Кэрэитов разделили полностью. Тумэн-Тубэгэн[ов] раздали всех. Олон-Дунхаитов забрали за один день. А с кровожадными разбойниками Джиргинцами — храбрецами так и не могли покончить. Истребив так народ Кэрэйт, Чингис-хан ту зиму зимовал в степи Абджия-кодээри.

[§ 194.] Когда караульные докладывали эти слова, Таян-хан находился на реке Хачир-усун в Ханхайе. Получив это известие, он послал сообщить своему сыну Кучлух-хану следующее: "Монгольские кони тощи, но огней у них так много, как звезд на небе. Значит, Монголов много. Если мы сейчас с ними схватимся, то, пожалуй, трудно будет оторваться от них. Говорят, что эти Монголы так тверды, что колы им в щеку, они не постыдятся, ткни им в глаз, они не моргнут. Их не заставить отступить даже тогда,

когда струится их кровь. Если сейчас мы вступим с ними в сражение, то потом, пожалуй, не одолеем. Сообщают, что у Монголов кони тощи. Давайте поднимем народ и переправим его на ту сторону Алтая. Войска же приведем в боевую готовность и будем завлекать Монголов. Когда мы дойдем до Южного Алтая, то наши кони откормятся, а Монголы и их кони изнурятся. Тогда-то мы и нападём на них с фронта". Выслушав эти слова, Кучлук-хан сказал: "Ну что за баба этот Таян! Он говорит это потому, что у него сердце в пятки уходит. Это множество Монголов откуда появилось? Ведь большинство Монголов находится здесь у нас вместе с Джамухой. Эта баба, Таян, который не отдался от дому на столько, на сколько отходит беременная женщина, чтобы помочиться, или на сколько отходит от колеса привязанный к нему теленок на своем пастбище¹⁴, Таян, у которого сердце в пятки ушло, может говорить такие речи!" С такими язвительными словами он отправил гонца к отцу. Таян-хан, услышав, что сын обзывает его бабой, сказал: "О сильный и храбрый Кучлук! Пусть тебя не покинет эта храбрость в день нашей схватки с врагами. Схватиться с ними мы можем, но сможем ли потом от них оторваться?" На эти слова Таян-хана сказал управитель его, великий нойон Хорисубэчи: "Твой отец, Инанча-билгэ-хан, не показывал врагу ни богатырской спины, ни конского крупа. Чего же заранее пугаешься? Если бы мы знали, что у тебя такой трусливый характер, так мы лучше отдали бы управление войском твоей матери, хотя она и женщина! Состарился Коксэу-Сабрах! Как плохо командуют теперь нашим войском! Должно быть, настала счастливая судьба для Монголов! Похоже, что Торлук Таян идет к гибели!" Ударив по колянцу, он повернул коня и ускакал.

[§ 195.] Тут Таян-хан рассердился и сказал: "Когда умирают — уходит жизнь, когда страдают — терпит тело, это одно и то же. Раз так, то будем сражаться!" Сказав эти слова, он снялся с реки Хачир-усун и пошел вниз по реке Тамир, переправившись через реку Орхон, прошел по восточной стороне горы Наху-кун и достиг местности Чакирмаут. Когда дозоры известили Чингис-хана о приближении Найманов, Чингис-хан соизволил сказать: "Убытку бывает от многого — много, от малого — мало" — и двинулся с войском навстречу врагу, преследуя дозоры Найманов. Войска были приведены в боевой порядок, и воины говорили друг другу: "Мы шли в боевом порядке — харагана, — мы построились в боевом порядке — наукр, — мы будем биться в боевом порядке — шиучи!"¹⁵. Чингис-хан сам пошел в авангарде, Хасару поручил ведать центром, а Отчигин-нойону приказал ведать заводными конями. Найманы отступили от Чакирмаут и встали по краю переднего склона горы Наху-кун. Наши дозоры, преследуя дозоры Найманов, подогнали их к главным силам, находившимся на переднем склоне горы Наху-кун. Таян-хан, увидав преследование своих дозоров, обратился к Джамухе, который находился при нем, так как принимал участие в походе Найманов. Таян-хан спросил Джаму-

ху: "Кто они, преследующие наших, как волки, гонящие стадо овец к овчарне? Что это за люди, которые так гонят?"

Джамуха отвечал: "Мой побратим Тэмуджин имеет четырех псов, которых он откармливает человеческим мясом, привязав на железной цепи. Вот они-то как раз и преследуют наши дозоры. У этих четырех псов медные лбы, зубы — как долота, языки — как шилья, железные сердца, сабли вместо плеток. Они питаются росой, ездят верхом на ветре. В дни битв они едят человеческое мясо, в дни сватов им пищей служит человечина. Теперь их спустили с цепи, и они, ничем не сдерживаемые, радуются, и у них текут слюни. Эти четыре пса: Джэбэ и Хубилай, Джэлмэ и Субээтэй". Таян-хан сказал: "Раз так, то будем подальше держаться от этих презренных людей!" — и с этими словами отступил и расположился выше на горном уступе. Увидя преследующих его сзади всадников, Таян-хан спросил опять Джамуху: "А кто эти воины, похожие на жеребят, которые, насосавшись молока, бегают и резвятся вокруг своих маток?" Джамуха отвечал: "Это Урууты и Мангуты — кровавые грабители, преследующие каждого мужчину с копьем, разбойники, убивающие каждого мужчину с мечом. Это они так радостно скачут, приближаясь к нам". Таян-хан сказал: "Раз так, то будем держаться подальше от этих презренных людей" — и с этими словами поднялся выше на гору. "А кто же это следует за ними, вырываясь вперед, как голодный сокол?" — спросил Таян-хан у Джамухи. Джамуха отвечал: "Это мой побратим Тэмуджин. Весь он закован в медную броню так, что негде уколоть даже шилом. Закован в железо так, что негде уколоть даже иглой. Разве вы не видите? Это он летит, как голодный сокол. Друзья Найманы, не вы ли говорили, что только бы вам увидеть Монголов, а уже тогда от них не останется даже столько, сколько кожи на копытцах козленка? Так теперь смотрите же, вот они!" Тогда Таян-хан сказал: "Страшно! Подъемаясь выше на гору!" Они поднялись и остановились: Опять Таян-хан спросил: "А кто же это идет позади Тэмуджина со множеством войска?" Джамуха ответил: "Хоэлун-экэ одного из сыновей кормила человеческим мясом. Ростом он в три маховых сажени. Съедает он зараз трехлетнюю телку. На нем одета броня в три слоя, а везут его три быка. Он может проглотить целиком человека с луком и стрелами, и у него он не застрянет в горле. Он может съесть целого человека и не утолит голода. Когда он рассердится и пустит свою стрелу „анхуа", то насквозь прострелит десять-двадцать человек, которые находятся по ту сторону горы. Когда он с кем рассорится, то, пустив свою стрелу „кэйбур", насквозь прострелит человека, находящегося по ту сторону степи. Когда он сильно натянет лук, то стреляет на 900 сажень, когда слабо натянет — стрела летит на 500 сажень. Он родился не от человека, а от чудовища „Гурэлгу". Зовут его Джочи-Хасар". Тогда Таян-хан сказал: "Раз так, то давай подниматься выше на гору!" Поднявшись выше, Таян-хан опять

спросил у Джамухи: "А кто же идет позади его?" Джамуха отвечал: "Это Отчигин, младший сын Хозлун-экэ. Он славится своею храбростью. Рано ложится, поздно встает. Но от других в бою он не отстанет, в боевые ряды не опаздывает". Таян-хан сказал: "Ну, раз так, то подыдемся на вершину горы!"

§ 196. | Джамуха, сказав все это Таян-хану, отделился от Найманов и послал к Чингис-хану гонца со словами: "Передай моему побратиму: Таян-хан, напуганный моими словами, бежал на гору. Убитый моими словами, он полез на гору. Побратим, обрати внимание! Они ведь полезли на гору! У них уже нет духа сопротивляться. Я от Найманов отделился". С такими словами он послал гонца. Так как было уже поздно, то Чингис-хан заночевал, оцепив войсками гору Наху-кун. Ночью Найманы пытались бежать. Они падали с горы Наху, валились один на другого, разбивались вдребезги, давили друг друга. Наутро поймали измученного до крайности Таян-хана. Так как Кучлук находился отдельно от отца, то ему удалось бежать с небольшим количеством людей. Он хотел стать лагерем на реке Тамир, но, видя, что его преследуют, не остановился, а бросился бежать дальше. Вот так был доведен до крайности и пленен найманский народ на подходах к Алтаю. Тут же подчинились нам племена Джадаран, Хатагин, Салджиут, Дорбэн, Тайчиут и Унгират, которые были с Джамухой. Когда к Чингис-хану привели Гурбэсу, мать Таян-хана, Чингис-хан сказал: "Не ты ли говорила, что от Монголов плохо пахнет? Зачем же ты пришла?" И взял ее в жены.

Примечания к переводу

¹ Алан Гоа.

² Более ранний вариант перевода: "в дымовом отверстии". Вариант перевода 1941 г.: "щель дымового отверстия юрты"; см. Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед.хр. 213, л. 6. Далее ссылки на варианты перевода даны по этой же рукописи.

³ Вариант перевода: "Когда он так жил". Имеется в виду Бодончар.

⁴ Вариант перевода 1941 г.: "Мы, Унгиратцы, искони (издревля) имеем прелесть наших племянниц (дочери сестер), красоту наших дочерей. Не спорим (с соседями) о владениях, а наших румяных девиц, посадив в большие телеги, запряженные черными верблюдами, рысцой отправляем (тем, кто становится вашими ханами) вашим ханам и сажаем их (рядом с ханом) ханшами на престол. Мы не спорим о владении народом и землями. Мы, вырастив красивых дочерей, помещаем их в телеги, запряженные сивыми верблюдами, и, отправившись в путь, сажаем их рядом (с ханом) на высокий трон... Мы издревля Унгиратцы, у которых шитами — ханши (м.б. женщины), а ходатайствами [или: защитой] — дочери (м.б. девицы). Живем мы прелестью племянниц, красотой дочерей" (л. 16—17).

⁵ Слова в квадратных скобках восполнены по машинописному тексту (л. 1), где дан перевод: "Тогда пришел со своей дружиной тайчиудский Таргутай-Кирилтух..." В 1941 г. Б.И.Панкратов пояснял: "...Кирил-

тух... сравнивает детей, Чингиса и братьев, с безобразными птенцами и слюнявыми телятами" (л. 30об.).

⁶ Вариант перевода: "Таргутай-Кирилтух, захватив (Тэмуджина), отправился (с ним в свои кочевья) и там приказал своему народу, чтобы каждый пускал Тэмуджина переночевать у себя на одну ночь" (л. 1).

⁷ Вариант перевода 1941 г.: "Ложе мое опустошено тремя Мэркитами" (л. 31).

⁸ В машинописном переводе пропуск. Мы частично исполнили его переводом 1941 г. (л. 33—38) — от слова "Теперь..." до слова "единого".

⁹ Вариант перевода: "Бэлгутай же пускал стрелы в каждого (завидного им) Мэркита, приговаривая: "Отдай мою мать!" (л. 2).

¹⁰ В 1941 г. Б.И.Панкратов пояснил, что речь идет о кит. *баму Juniperus communis* или *Juniperus daurica* (л. 17).

¹¹ Вариант перевода: "Отдельно от всех стоял красивый, стройный юноша" (л. 2).

¹² Вариант перевода 1941 г.: "В каждом их повороте — строй. В каждом их маневре — порядок. Люди, сызмалства привыкшие к мечу и копы, имеющие черные и пестрые бунчуки, народ, которого следует остерегаться" (л. 44—46).

¹³ В 1941 г. Б.И.Панкратов так пояснил выражение "золотой шатер" в § 184 "Юань-чао би-ши": "...Тэрмэ по-монг [ольски] название шерстяной ткани, из которой делают тибетцы свои палатки. Кто были тангуты [?] — тибетцы. Давно ли юрта в Монголии? Кто знает... А тибетцы живут в палатках уже испокон веков" (л. 46—47).

¹⁴ Вариант перевода 1941 г.: "на расстояние, которое отведено теленку, привязанному к колесу телеги, чтобы пастись" (л. 54).

¹⁵ Странная транскрипция "наукр", вероятно, возникла в результате опечатки. Перевод и примечание 1941 г.: "„Пойдем сомкнутыми рядами (походным порядком, подобно зарослям трав, пойдем). Встанем развернутым строем (строем, как море, выстроимся). Ударим сокрушительным ударом (битву „долота" будем биться)". Здесь надо не забывать о военном искусстве джурдженей, учениками к [ото]рых были монголы, и о чжурчжене-китайской военной терминологии" (л. 56 об.).

Веллер, 1933. — *Weller F. Das Sino-Indian Institute der Harvard University in Peking.* — AM. 1933, vol. IX.

Козин, 1941. — *Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un Niγuᠰa Tobᠰiyau...* М.—Л., 1941.

Стариков, 1971. — *Стариков В.С. Научная и педагогическая деятельность Б.И.Панкратова.* — Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971.

ЮЧЫШ — Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). Том I. Изд. текста и предисл. Б.И.Панкратова. М., 1962.